

С. М. ГРОМБАХ

ОБ ЭПИГРАФЕ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

Каждый из эпиграфов «Евгения Онегина» ясно связан со следующей за ним главой и в нескольких словах предопределяет ее содержание, либо настроение, которым она проникнута.

Определить — какой эпиграф к какой главе относится, не представляет особого труда, даже если забыть местоположение онегинских эпиграфов.

Исключение составляет лишь один из них, а именно — французский эпиграф к роману в целом. Напомним его:

«Pétri de vanité, il avait encore plus de cette espèce d'orgueil, qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière»¹.

Этот эпиграф как-то мало привлекал внимание исследователей. А между тем он лишен той очевидной связи с содержанием, которой обладают все остальные эпиграфы романа, и это заставляет предполагать в нем скрытую внутреннюю связь с текстом. Однако ни современные поэту критики, ни позднейшие исследователи, ни многочисленные редакторы «Онегина» не раскрыли эту внутреннюю связь, не истолковали в должной степени эпиграф.

Попытка толкования его встретилась нам у Л. Гроссмана и у Н. Бродского. Л. Гроссман видел в этом эпиграфе утверждение в Онегине дендизма, с основной присущей денди чертой — тщеславием. «Ибо Онегин тщеславен, — писал он, — знаменитый эпиграф к роману выделяет эту черту: „Petri de vanité, il avait encore plus de cette espèce d'orgueil“. и проч. Замечательно, что первая глава книги Барбе д'Орвильи² целиком посвящена защите тщеславия... Пушкинский эпиграф за два десятилетия предвосхищает эту главу»³. Однако видеть в этом эпиграфе только указание на дендизм Онегина — рискованно, а подчеркивание его тщеславия ошибочно: где в Онегине то особое тщеславие денди, которое заставляет Л. П. Гроссмана вспомнить первую главу книги Барбе д'Орвильи⁴. На него нет указаний в романе. Помимо того, такое толкование переносит центр тя-

¹ Перевод его, как он дан в издании АН СССР, гласит: «Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может, мнимого. Из частного письма» (VI, 662. Здесь, как и далее, все цитаты из Пушкина приводятся по Полному собранию сочинений в 16 томах. Изд-во АН СССР, 1937—1949. Римская цифра — том, арабская — страница.)

² Л. П. Гроссман имеет в виду книгу Барбе д'Орвильи «Дендизм и Джордж Бреммель», написанную в 1844 г.

³ Л. Г р о с с м а н. Этюды о Пушкине. М., 1923, стр. 29.

⁴ Этим евангелистом дендизма оно определяется как «беспокойная погоня за людским одобрением, неутолимая жажда рукоплесканий, которая в великих делах зовется любовью к славе и тщеславием в малых» (Б а р б е д' О р в и л ь и. Дендизм и Джордж Бреммель. М., 1912, стр. 16).

жести эпиграфа из главного предложения («он обладал еще особой гордостью» и т. д.) в придаточное («исполненный тщеславия»).

Так что с толкованием Гроссмана согласиться нельзя. Неубедителен и «комментарий» Бродского: «В этом отрывке схвачены проявления того „онегинства“, которое, будучи раскрыто в первой главе романа, носит все признаки психологической ущербности, присущей аристократической прослойке европейского дворянства на его историческом закате в эпоху растущего торжества буржуазии...» И, как у Гроссмана, ссылка на книгу д'Орвилли ⁵. Такое объяснение ничего не объясняет. Что в первой главе романа позволяет установить связь эпиграфа с «онегинством»? И почему гордость и чувство превосходства, даже «быть может воображаемого», являются признаками «психологической ущербности»?

В последующих изданиях Н. Л. Бродский отказался от подобного толкования, но вместо этого как-то совсем «забыл» о французском эпиграфе. В третьем (1950 г.) и последующих, посмертных изданиях (1957, 1964 гг.) об этой интересной и уж бесспорно не случайной «увертюре» к роману вообще — ни слова.

И лишь во втором издании (1937 г.) Н. Л. Бродский упомянул о французском эпиграфе и даже привел его полностью, но в совершенно неожиданном месте: комментируя IV строфу первой главы «Онегина» и, в частности, строку:

Е. Как dandy лондонский одет.

Вот что писал Н. Л. Бродский: «Англомания Онегина проявлялась в различных формах: в туалете, в пристрастии к „ростбифу окровавленному“, в интересе к Адаму Смиту и в том сложном сплаве настроений, привычек, манеры держаться в обществе, который назывался дендизмом и который был присущ европейской аристократии, английской в частности, в период ее исторического заката в конце XVIII и в первое десятилетие XIX в. Эпиграф к роману четко характеризует это культурно-бытовое явление» ⁶.

Что общего между пристрастием к ростбифу и даже интересом к Адаму Смиту и гордым обычаем признаваться в хороших и дурных поступках, нам так же непонятно, как и связь между этим обычаем и «чувством ущербности».

И если даже, сопоставив, как предлагает Н. Л. Бродский, черты Онегина с свойствами Джорджа Бремеля, очерченными Барбе д'Орвилли на перечисленных Бродским страницах его книги (26—30, 43, 56, 68—69, 75—78, 97), мы и найдем в них кое-что общее (кстати, гораздо меньше, чем это казалось Н. Л. Бродскому), то это лишь подтвердит, что Онегину не чужды черты дендизма, но насколько не раскроет значения эпиграфа, так как отраженные в этом эпиграфе человеческие свойства, кроме совсем не главного — тщеславия, ничего общего с дендизмом не имеют. Н. Л. Бродский был прав, отказавшись от такого комментария. Жаль только, что он не попытался заменить его другим.

Отделался малозначащей отпиской и ныне забытый комментатор «Евгения Онегина». А. Вольский: «Отношение этих слов ко всему роману то, что ими изображается в общих и существенных чертах характер героя романа — Онегина» ⁷.

Мы видим, таким образом, что при всех попытках толкования эпиграфа его относили к герою романа, к самому Онегину, считали эпиграф дополнительным штрихом к характеристике Онегина. Но, как мы уже отмечали, если эпиграф — характеристика Онегина, то она должна была бы найти себе подтверждение в романе. Более того, — в первой же главе романа, так

⁵ Н. Л. Б р о д с к и й. Комментарий к «Евгению Онегину». М., 1932, стр. 6.

⁶ Н. Л. Б р о д с к и й. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Изд. 2, М., 1937, стр. 26.

⁷ А. В о л ь с к и й. Объяснения и примечания к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1877, стр. 5.

как французский эпитаф из «частного письма» впервые появился в печати как эпитаф к первой главе, при ее первом (отдельном) издании в феврале 1825 г. Поначалу ничто не предвещало того, что этот эпитаф будет предпослан всему роману в целом. И место его напечатания (на обороте страницы, на которой написано «Глава первая») — такое же, как и место всех будущих эпитафов к последующим главам.

Однако, вопреки прежнему утверждению Бродского, первая глава не раскрывает эпитафа. В характеристике Онегина, так блестяще обрисованной в первой главе романа, мы не находим черт, свидетельствующих о гордом обычае признаваться равно в хороших и дурных поступках. Не находим мы их и во второй и в третьей главах, которые были уже написаны ко времени выхода из печати первой главы и могли бы в некоторой степени определить ее эпитаф.

Очевидно, смысл этого «знаменитого» (Л. Гроссман), но тем не менее загадочного эпитафа следует искать в ином. И поскольку отрывок «из частного письма» был не единственным намеченным к первой главе эпитафом, проследим последовательность и характер намечавшихся к ней эпитафов.

Начало черновой рукописи, датированное Пушкиным 9 мая (1823 г.), и затем 28 мая ночью (тетр. № 2369, л. 4, об.), не содержит эпитафа. Первая известная нам рукопись с эпитафами — это экземпляр белой рукописи первой главы, представляющий, по-видимому, первую подготовку к ее изданию, поскольку он помечен (по типу выходных данных) — «Одесса, MDCCCXIII». В этой тетради оказывается сразу четыре эпитафа.

На обложке

— Собрание пламенных замет
Богатой жизни юных лет
Баратынский

На титульном листе — под заглавием «Евгений Онегин» (без указания на первую главу) — английский эпитаф.

Nothing is such an enemy
to accuracy of judgement as
a coarse discrimination
*Burke*⁸

На обороте титульного листа:

По жизни так скользит горячность молодая
И жить торопится и чувствовать спешит
*К. В.*⁹

И под ним — интересующий нас французский, в несколько отличающийся от широко известной редакции: вместо *Petri de vanité — Pas entièrement exempt de vanité, etc.*

Над третьим и над четвертым эпитафами карандашом (рукою Пушкина?) поставлены знаки NB. Автором французского эпитафа был сам Пушкин. Мистификация читателя, отсылка его к мнимым или вымышленным источникам не раз встречается в пушкинских эпитафах. А в данном случае авторство Пушкина с несомненностью устанавливается теми многочисленными изменениями, которым подвергался эпитаф в рукописи.

Окончательный текст эпитафа родился не сразу, он уточнялся и отшлифовывался. Если отметить все поправки и замены, внесенные Пушкиным, то эпитаф предстанет в следующем виде: «*Pas entièrement exempt de vanité, il avait encore plus (зачеркнуто: d'orgueil) de (зачеркнуто: ce*

⁸ Перевод: «Ничто не является таким врагом (ничто так не мешает) точности суждения, как недостаточное различение. Берк». Эдмунд Берк (1729—1797) — английский государственный деятель и политический писатель.

⁹ Из стихотворения К(нязя) В(яземского) «Первый снег».

genre) cette espèce d'orgueil, qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité (зачеркнуто: sur les autres), peut-être imaginaire».

С намеченными эпитафиями первая глава «Евгения Онегина» света не увидела. Имеется вторая беловая редакция, — по-видимому, увезенная Л. С. Пушкиным в начале ноября 1824 г. из Михайловского в Петербург. В ней остался уже только один эпитафия, французский, в том виде, который он приобрел после поправок Пушкина в предшествовавшей беловой рукописи 1823 г.

В этот эпитафия рукою Пушкина было внесено еще одно исправление: слова *Pas entièrement exempt* были зачеркнуты и над ними написано *Pet-ri*.

И когда в феврале 1825 г. первая глава Онегина вышла в свет, предвзяемая Предисловием и «Разговором книгопродавца с поэтом», на обороте нумерованного листа, на котором было напечатано «Глава первая», помещен только один этот эпитафия в той редакции, которую ему придала поправка на рукописи Льва Пушкина. Точно в таком же виде первая глава вышла вторично в 1829 г.

В 1833 г. «Онегин» был издан полностью. В этом издании каждая глава получила эпитафия. Все они, кроме эпитафия к главе первой, совпадают с теми, которые предвзяли каждую главу при ее первой публикации. Первая же глава была снабжена эпитафиям «И жить торопится, и чувствовать спешит. Князь Вяземский».

А перед началом романа, на обороте третьего нумерованного листа, посреди страницы — стоял французский эпитафия, «извлеченный из частного письма».

Эта эволюция эпитафиям, как нам кажется, в значительной мере определяется развитием самого романа и отношением Пушкина к нему.

«Онегин» был начат в мае 1823 г., когда поэтом еще сильно владели впечатления петербургского периода. Первая глава романа — это несомненно поэтически переплавленные воспоминания о жизни в Петербурге. В. Ф. Вяземская, с которой поэт часто виделся в Одессе, сообщала в письме мужу 27.VI.1824 г.: Пушкин «слишком увлечен, чтобы заниматься чем-нибудь, кроме своего Онегина, который, по моему мнению, второй Чайльд-Гарольд: молодой человек дурной жизни, портрет и история которого частью должны походить на автора»¹⁰.

П. В. Анненков, собиравший материалы о жизни и творчестве поэта по еще не остывшим следам у его близких друзей и знавший много, гораздо больше, чем мог опубликовать, исследователь, которому чаще всего можно верить, отзывался о «Евгении Онегине» как о произведении, в котором «сбережены подробности частной жизни автора и задушевная его исповедь, еще не вполне исследованная»¹¹.

Отсюда и эпитафия из Баратынского, который в рукописи стоял первым:

Собрание пламенных замет
Богатой жизни юных лет.

Для нас важно отметить, что уже этот, — первый, — эпитафия относится не к Онегину, а является как бы авторской ремаркой, определяющей отношение автора к роману.

Эпитафия этот в дальнейшем не сохранился¹². Для этого были веские основания. «Онегин» (во всяком случае — первая его глава) оказался «соб-

¹⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1913, т. V, вып. 2, стр. 112—113. Подлинник на французском языке. Разрядка моя. — С. Г.

¹¹ Соч. Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855, т. IV, стр. 232.

¹² Лишь отголосок его, как это часто бывало у Пушкина, зазвучал в посвящении Плетневу, написанному в 1827 г.: «Ума холодных наблюдений и сердца горестных замет...».

ранием замет» не только лирических, но и явно сатирических. За благодушной по виду иронией, за легкой болтовней и постоянными отступлениями проглядывала насмешка над светским обществом, его воспитанием, взглядами и нравами, насмешка, отчасти питаемая тоской по этому недосягаемому свету.

Из-под пера поэта вылилась сатира. Умонастроение Пушкина той поры располагало его к сатире. П. И. Бартенев писал: «Есть известия, что Пушкин начал было писать, вероятно, тогда же (т. е. в 1822 г. — С. Г.) сатирическую поэму»¹³.

О том, что и сам поэт воспринимал первую главу «Онегина» как сатиру, говорят его письма, сопутствующие ее созданию или написанные вскоре после ее окончания.

«Пишу новую поэму „Евгений Онегин“, где захлебываюсь желчью», — писал он 1 декабря 1823 г. А. И. Тургеневу (XIII, 80).

Еще откровеннее в письме к Л. С. Пушкину в январе 1824 г.: «Не верь Н. Раевскому, который бранит его [т. е. «Евгений Онегин»], он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчихал» (XIII, 87).

Это же доказывает и та уверенность в невозможности напечатать роман, которая звучит во всех письмах Пушкина того периода: «О печати и думать нечего. Пишу спустя рукава» (из письма Вяземскому 4.XI.1823 г.; XIII, 73). В понимании Пушкина «писать спустя рукава» совсем не значило писать небрежно, кое-как. Недаром в черновике этого же письма: «Пишу его с упоением, что уж давно со мной не было» (XIII, 382). «Спустя рукава» — значило: не заботясь о цензуре¹⁴. «Об моей поэме нечего и думать — если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге» (А. А. Бестужеву 8.II.1824 г.; XIII, 88). «Онегин мой растет. Да чорт его напечатает» (А. Бестужеву 29.VI.1824 г.; XIII, 101).

А затем Пушкин публично признал «Евгения Онегина», во всяком случае — начало его — сатирой, сказав в Предисловии к первой главе при ее издании: «Но да будет нам позволено обратить внимание читателей на достоинства, редкие в с а т и р и ч е с к о м п и с а т е л е: отсутствие оскорбительной личности и наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов» (VI.638. Разрядка моя — С. Г.). В начальной редакции Предисловия слово «сатирический» звучало трижды: 1) «Первая песнь Евг. Оне<гина> представляет нечто целое. Она в себе заключает сатирическое описание лет жизни молодого русского в конце 1819 г.»; 2) «... Но да будет нам позволено обратить внимание поч. публ. и г.г. журн. на достоинство, еще новое в сатирическом писателе»; 3) «..... Смело предлагаем им произведение, где найдут они под легким покрывалом сатирической веселости наблюдения верные» (VI, 527).

Такая авторская оценка первой главы «Онегина» никого не удивила и не вызвала ни у кого возражений. Современная критика либо прошла мимо заявления Пушкина, либо к нему присоединилась. Так, например, Измайлов, процитировав приведенные выше слова из предисловия, назвал их замечательными и добавил: «В самом деле, эти два достоинства всегда были редки в сатирических писателях, особенно редки они в нынешнее время»¹⁵.

Спустя ряд лет назовет «Евгений Онегин» сатирой и прозорливый Белинский¹⁶.

Правда, сам поэт вскоре отказался от признания своего романа сати-

¹³ П. Б а р т е н е в. Пушкин в южной России. М., 1862, стр. 109.

¹⁴ Ср. в письме брату в январе 1824 г.: «Так как я дождался оказии, то и буду писать тебе спустя рукава» (XIII, 85).

¹⁵ «Благонамеренный», 1825, № 9, стр. 327—328.

¹⁶ В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собр. соч. Изд. АН СССР. М., 1955, т. VII, стр. 502.

рой. Отвечая Бестужеву на его критику первой главы ¹⁷, Пушкин писал: «Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моей, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня сатира? О ней и помину нет в Евг. Он. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатире. Самое слово сатирический не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен...» (24. III. 1825, XIII, 155). Но нужно помнить, что это было написано в 1825 г., когда были уже сочинены три «другие песни», направившие роман из сатирического в реалистическое русло. Что же касается первой главы, то отказ Пушкина признавать ее сатирой доказывает только, что сатиру он мыслил еще острее. такой, от которой «трещит набережная». Недаром, не отрицая генетической связи своего романа с произведениями Байрона, Пушкин указывал, однако, не на «Дон-Жуана», о котором упоминал Бестужев. В противовес тому, что он сам же писал ранее ¹⁸, Пушкин уверял, что в «Дон-Жуане» «ничего нет общего с Онегиным» (XIII, 155), и совершенно недвусмысленно и откровенно назвал прообразом первой главы своего романа «Бешпо» — «шуточное произведение мрачного Байрона» (VI, 638). Тем не менее, дух первой главы «Евгения Онегина» — несомненно сатирический, и, как казалось поэту, когда он создавал ее, — достаточно злой и обличительный. Недаром Пушкин писал П. А. Вяземскому: «.... а если брат, так брат, не то что и когтей марать» (XIII, 73).

При таком характере романа лирико-автобиографический эпиграф был неуместен. Нужно было всеми способами, в том числе и эпиграфом, подчеркнуть не столько автобиографическую линию, сколько линию отграничения автора и его героя. Эта линия ведь тоже достаточно сильна в первой главе «Онегина».

Недаром Пушкин превратил Онегина в своего друга («С ним подружился я в то время»), был

рад заметить разность
Между Онегиным и мной,

демонстративно подчеркивал:

Как будто нам уж невозможно
Писать поэму о другом,
Как только о себе самом...

Готовя к печати первую главу «Онегина», Пушкин хотел приложить к ней рисунок, изображающий Онегина и его самого на фоне петербургского пейзажа (иллюстрация к строфе XLVIII), эскиз которого он набросал сам.

«Брат, вот тебе картинка для Онегина — найди искусный и быстрый карандаш. Если и будет другая, так чтоб все в том же м е с т о п о л о ж е н и и. Та же сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно» (XIII, 119).

Этим требованием Пушкин, по справедливому замечанию Д. Д. Благого, «несомненно хотел и зрительно закрепить в сознании читателей, что автор и герой — два разных лица» ¹⁹.

В свете всего сказанного становится ясной мысль Пушкина, добавившего к лирическому эпиграфу другой, явно полемизирующий с будущими критиками: «Nothing is such an ennemy to accuracy of judgement as a coarse discrimination. Burke» (VI, 543), т. е. «Ничто так не враждебно точности

¹⁷ Бестужев писал Пушкину (9. III. 1825) «... поставил ли ты его [Онегина] в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты?... Конечно, многие картины прелестны, — но они не полны, ты схватил петербургский свет, но не проник в него. Прочти Байрона: он, не зная нашего Петербурга, описал его схоже... У него даже притворное пустословие скрывает в себе замечания философские, а про сатиру и говорить нечего. Я не знаю человека, который бы лучше его, портретнее его очерчивал характеры, схватывал в них новые проблески страстей и страстишек. И как зла, и как свежа его сатира!» (XIII, 149).

¹⁸ «... Я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница. В роде Дон-Жуана — о печати и думать нечего...» (XIII, 73). «Она писана строфами едва ли не волнее строф Дон-Жуана» (XIII, 388).

¹⁹ А. С. Пушкин. Собр. соч. в десяти томах. ГИХЛ, М., 1960, т. 4, стр. 517.

суждения, как недостаточное различие»²⁰. В данном случае — различие автора и его героя. Это явный комментарий к стихам LVI строфы:

Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет....

Отметим: эпиграф из Burke'а тоже не служит характеристикой героя, не дополняет в этом смысле романа, а служит своеобразным обращением автора к читателям и критику.

Лишь третий эпиграф, заимствованный из стихотворения Вяземского «Первый снег», единственный может считаться характеристикой Онегина, совпадающей в известной степени с его обликом, как он раскрывается в первой главе. Да и то, комментируя этот эпиграф, вернее — вторую его строку, которая стала эпиграфом к первой главе при полном издании романа, Н. Л. Бродский увидел в нем «обобщенную характеристику молодости» и писал: «Таким образом, в свете этих стихов становится очевидным, что эпиграф относится не к индивидуальному портрету Онегина, а характеризует настроение, типичное вообще для молодых людей того времени...»²¹.

И, наконец, четвертый эпиграф к первой главе. Что же он означает? Как уже отмечено, ни первая глава, ни последующие, написанные к этому времени (да и все остальные главы, заметим в скобках), не дают основания видеть в этом отрывке характеристику Онегина.

И невольно возникает предположение, что «он» эпиграфа — это вовсе не герой романа, не Онегин, как настойчиво истолковывали все исследователи: «он» — это автор, «равнодушным» признанием которого «как в хороших, так и в дурных поступках» служит глава из романа, следовавшая за эпиграфом.

Вчитаемся внимательно в эту главу и мы обнаружим, что, вопреки обыкновению зашифровывать автобиографический элемент в своих произведениях, Пушкин в данном случае не только признает автобиографичность своего романа (вернее, его первой главы), но даже подчеркивает ее. Зачем? При известной близости Онегина первой главы к Пушкину она не настолько велика, чтобы так подчеркнуто в ней сознаваться. Тем не менее, Пушкин именно подчеркивает эту близость. Делает он это и предисловием к первой главе, которое четко указывает время действия («Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года...» (XIII, 638), точно совпадающее с периодом светской жизни молодого поэта.

А с другой стороны, в тексте сохраняются настойчивые противопоставления автора и Онегина, мы приводили их выше.

В этом противоречии, мне кажется, и кроется разгадка знаменитого эпиграфа. «Онегин — не я, но его дурные и хорошие поступки — мои», — говорит автор своим романом и эпиграфом к нему.

Автор и его герой — это две величины, равные между собой постольку, поскольку порознь они равны третьей. Эта третья величина в наши дни получила название «молодого человека XIX века».

Иначе говоря, эпиграф подчеркивает не только и не столько автобиографичность героя, как это кажется на первый взгляд, сколько утверждает

²⁰ Афоризм этот у Берка не обнаружен. Но по духу и смыслу он напоминает некоторые его рассуждения в «A Philosophical Inquiry into the Origin of our Ideas of Sublime and Beautiful». The works of Edmund Burke in 9 volumes. Boston, 1839, Vol. 1, p. 70—71.

²¹ Н. Л. Б р о д с к и й. «Евгений Онегин». Роман Пушкина. Учпедгиз, 1937, стр. 13.

его типичность. Над третьим и четвертым эпитафиями стоят карандашные пометки. Не значит ли это (если пометки принадлежат Пушкину), что поэт сперва колебался между двумя последними эпитафиями, которые — оба, один в меньшей, другой в большей степени, — указывали на типичность героя?

Через двадцать лет это четко сформулирует А. И. Герцен: Онегина «постоянно находишь возле себя и в себе самом». И еще: «Дело в том, что все мы — более или менее Онегины»²².

И нужно обладать, — говорит пушкинский эпитафия, — гражданским мужеством («особой гордостью»), чтобы, став на путь объективности («одинакового равнодушия»), позволить себе показать тип во весь рост, признаться «как в хороших, так и в дурных поступках» (мыслях, нравах, обычаях, — добавим от себя).

Пушкин имел право на такой эпитафия. Он был достаточно объективен по отношению к своему герою (а, стало быть, и к себе самому). Строфы X—XII первой главы и ряд строф написанной уже к тому времени третьей главы, где характеристика Онегина дана от обратного — противопоставлением его Грандисону и благородным персонажам старинных романов (строфы X—XI), содержит беспощадную аттестацию пушкинского героя.

Вместе с тем отмечены, а кое-где и подчеркнуты, и безусловно положительные черты Онегина: невольная преданность мечтам, самостоятельность суждений, незаурядный ум (глава I, строфы XLV—XLVII), умение уважать чужие мысли и чувства (глава II, строфы XIV, XV), и Д. Д. Благой совершенно справедливо отметил: «Поэт ни в какой мере не скрывает существеннейших недостатков своего героя, в которых отчетливо проступают родимые пятна его общественной среды, но в то же время подчеркивает и положительные стороны характера Онегина»²³. И никто не заметил, что первым обратил на это внимание читателя сам Пушкин своим «знаменитым» эпитафией.

Спустя ряд лет В. Г. Белинский назовет это «благородной смелостью»²⁴, Пушкин считал это признаком гордости. Притом — особой гордости. Недаром, написав сперва просто «гордости» (*d'orgueil*), Пушкин затем уточнил: «особого рода гордости» (*de ce genre d'orgueil*) и при этом искал такое определение, которое указывало бы на то, что это не только род гордости, а довольно узкая ее разновидность: первоначальное *ce genre* было заменено на *cette espèce*. Но то, что со стороны воспринимается как благородная смелость, субъективно легко трактуется, как некий вид гордости. И в том и в другом свойстве присутствует элемент превосходства, хотя, «может быть, и воображаемого».

Такое толкование эпитафия становится еще более вероятным, если отказать от традиционного перевода его текста и ввести в него, на первый взгляд, незначительные, но на самом деле существенные изменения. Это касается прежде всего слова *vanité*. Его чаще всего переводят как «тщеславие». Но ведь его можно (и, по-моему, в данном случае — следует!) перевести как «суетность».

Суетность — эпитет, который Пушкин часто относил к «свету», к Онегину и вместе с тем не отрицал в поэте и, в частности, в себе.

И затем — единственно ли возможно перевести слова *encore plus* как «сверх того»? Не правильнее ли в данном случае читать их как «в еще большей степени»? А если принять предлагаемый вариант перевода, то первая часть эпитафия предстанет в следующем виде: «Исполненный суетности, он в еще большей степени обладал тем видом гордости, которая...» и т. д.

²² А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. СПб., 1912, стр. 88—89.

²³ А. С. Пушкин. Собр. соч. в десяти томах. ГИХЛ, М., 1960, т. IV, стр. 520.

²⁴ «... нужна благородная смелость, чтобы первому решиться сказать истину...». В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, 1955, т. VII, стр. 452.

Иначе говоря, в поэте этот вид гордости преобладает над суетностью, даже в ее достаточно сильных проявлениях ²⁵, и позволяет (побуждает) с одинаковым равнодушием, проистекающим из чувства превосходства над светской толпой, признаваться как в хороших, так и в плохих свойствах, присущих этому свету, к которому принадлежит и сам автор ²⁶.

Таким признанием и служит следующая за эпиграфом первая глава «Онегина».

Первая глава, как уже сказано, дважды вышла с этим эпиграфом — в 1825 и в 1829 гг. Остальные главы получили, однако, при печатании эпиграфы совершенно иного характера. В них, во-первых, довольно прозрачно ясна связь с каждой главой, а с другой стороны, они лишены авторского лица, авторского отношения к тексту. Лишь эпиграф к VIII главе снова носит субъективный характер. Но и он тесно связан именно с этой главой, с ее последними строфами, тогда как такой связи с первой главой французский эпиграф не имел.

Таким образом, эпиграф к первой главе выпадал из общего стиля. И, набрасывая в сентябре 1830 г. план полного издания «Онегина», Пушкин на том же листе записал единственный эпиграф, который должен был быть заменен, по сравнению с предыдущими изданиями — «И жить торопится и чувствовать спешит. К. В.» (VI, 532). Это — вторая строка из того двустишия, которое, как указывалось выше, давно намечалось в качестве эпиграфа к первой главе. Она и была так использована при печатании романа. Но изъять совсем французский эпиграф, которым Пушкин, по видимому, дорожил, он не захотел.

Бывший эпиграф к первой главе стал эпиграфом ко всему роману, усилив этим свое значение и смысл.

²⁵ Недаром Пушкин усилил эту характеристику: первоначальное «не вполне свободный от суетности» (*Pas entièrement exempt de vanité*) было заменено на «исполненный суетности» (*Petri de vanité*).

²⁶ Вспомним:

В мертвящем упоеньи света
В сем омуте, где с вами я
Кушаюсь, милые друзья... (VI, 137).